

group of experts, and on the structure determined by the difference of an expert groups' contribution to the main process. The estimates of examination process efficiency are offered to consider the structure of involved experts. The method of assessment of a dissertation council was based on consideration of structure of its permanent members. Methods of the discriminant analysis allowed to develop the technique to allocate active experts interested in the majority of dissertaion and actively participating in discussion of theses. The obtained technique has been used to a data of a number of dissertation councils of one of the universities. The revealed qualitative structure of dissertation councils has shown that in some of them the number of active members is insufficient for effective examination. The estimates of dissertation councils' potentialities are the following. The same expert efficiency of a dissertation council can be reached with the assistance of limited number of experts. Quantitative estimates of potential efficiency of the existing dissertation councils highlight a possibility to reduce a number of permanent members and to replace them with the jury. The necessary number of judges providing the same efficiency of conducting a process of thesis examination as classical dissertation council is determined.

Keywords: examination, dissertation council, scientific and qualification work, active members of council, structure of permanent members of council, function of structural losses, expert efficiency.

References

- Syroezhin I. M. (1980) Sovershenstvovanie sistemy pokazateley effektivnosti i kachestva. [Improvement of efficiency and quality indicators system]. M.: Economy (in Russian).
- Savinov G. V., Eisner Yu. N. (1984) Modelirovanie i otsenka strukturnoy dinamiki hozyaystvennykh sistem pod vliyaniem nauchno-tehnicheskogo progressa [Modeling and an assessment of structural dynamics of economic systems under the influence of scientific and technical progress] // Kontseptualnyye i metodicheskie voprosy prognozirovaniya nauchno-tehnicheskoy deyatel'nosti v regione. *Mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov* [Conceptual and methodical questions of forecasting of scientific and technical activity in the region. Interuniversity collection of scientific works.] L., p. 84–96 (in Russian).
- Savinov G. V. (1987) Otsenka rezultatov hozyaystvennoy deyatel'nosti na osnove analiza ekonomicheskikh protsessov [An estimation of results of economic activity on the basis of the analysis of economic processes] // Ekonomicheskie problemy upravleniya promyshlennym proizvodstvom. *Mezhvuzovskiy sbornik* [Economic problems of management of industrial production. Interuniversity collection] L., p. 110–114 (in Russian).
- Korosteleva O. N. (2015) Opponirovanie dissertatsiy kak stadiya ekspertizy nauchnoy raboty: statisticheskiy analiz [Dissertation opponency as stage of the examination of scientific work: statistical analysis] // *Izvestiya SPbGUEU* [News SPbGUEU]. No. 5, p. 113–118. (in Russian).
- Ekonometrika: ucheb. / pod red. I. I. Eliseevoy (2001) [Econometrics: studies / under the editorship of I. I. Yeliseyeva]. M.: Finance and statistics (in Russian).
- Soshnikova L. A. (2015) Mnogomernyye statisticheskie metody [Multidimensional statistical methods.] M.: Minsk BGEU (in Russian).
- J. — O. Kim, Ch. U. Müller, U. R. Klekka. (1989) Faktornyy, diskriminantnyy i klasternyy analiz [Factorial, discriminant and cluster analysis] // M.: Finance and statistics (in Russian).
- Polozhenie o soвете po zaschite dissertatsiy na soiskanie uchenoy stepeni kandidata nauk (Kandidata nauk SPbGU), na soiskanie uchenoy stepeni doktora nauk (Doktora nauk SPbGU) (in Russian).
- Polozhenie o prisuzhdenii uchenykh stepeney: utverzhdeno postanovleniem Pravitelstva Rossiyskoy Federatsii 24 sentyabrya 2013 g. № 842 (in Russian).
- Korosteleva O. N. (2017) Matematiko-statisticheskiy analiz raboty dissertatsionnykh sovetov, [Mathematical and statistical analysis of the dissertation councils performance] // *Izvestiya SPbGUEU* [News SPbGUEU]. № 2, p. 135–138 (in Russian).

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНОГО ПОЗНАНИЯ

ДМИТРИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ СЕВОСТЬЯНОВ

кандидат медицинских наук,
доцент кафедры кадровой политики и управления персоналом
Новосибирского государственного аграрного университета,
Новосибирск, Россия;
e-mail: dimasev@ngs.ru

УДК 007.51

Методология социальных исследований: роль анализа инверсий

В статье рассматривается методологический прием социальных исследований, заключающийся в изучении инверсий в социальной иерархии. Показано, что иерархия является важнейшей формой системной организации. По этой причине в социальных исследованиях необходимо учитывать общие системные свойства, присущие иерархиям. Способность к формированию инверсий свойственна сложным иерархиям. Поскольку социальные иерархии являются весьма сложными, инверсии в них широко представлены. Несмотря на обширное распространение инверсий в социальных иерархиях, они все еще сравнительно мало изучены как системное явление. Современная общая теория систем практически не рассматривает инверсивных отношений. Данное упущение должно быть исправлено. Инверсия в иерархической системе возникает, когда низший элемент приобретает главенствующее значение в данной системе, не перемещаясь на более высокую позицию. Это происходит вследствие изменений каких-либо важных свойств этого иерархического элемента. Таким образом, возникает противоречие между формальным местом элемента в системе и его действительной ролью. Развитие инверсий приводит данную иерархическую систему к разрушению или к необходимости коренного преобразования. Инверсии возможны не только в самой социальной иерархии, но и в производных иерархиях, например таких, как иерархии ценностей, целей, мотивов. Распространение инверсий в такой производной системе способно привести к краху самой социальной иерархии, в которой происходят такие изменения. Известно, что социальная иерархия может быть разрушена вследствие изменений в ценностной или мотивационной структуре общества. Подтверждение этому — огромное количество исторических примеров.

Ключевые слова: общественные науки, методология, иерархия, инверсия, ордер, цели, ценности, мотивы.

Введение

В исследованиях социальных систем большое значение имеют грамотно выстроенные методологические подходы. Как известно, методология включает в себя всю совокупность исследовательских процедур; она также регулирует отношения между теоретической и прикладной частями исследования [Быстрянец, 2009]. Несмотря на значительный объем уже проведенных работ в этом направлении, совершенствование исследовательской методологии и сегодня актуально [Новиков А. М., Новиков Д. А., 2007]. Во всяком случае, современное состояние общественных наук не дает оснований полагать, что все необходимые исследовательские процедуры уже изучены и получили применение в тех предметных областях, где они обещают быть эффективными. Напротив, разработка новых методологических подходов по-прежнему актуальна, что косвенно подтверждается и огромным количеством нерешенных социальных проблем.

В современных социальных исследованиях широкое распространение получил системный подход. Однако во многих случаях под системным подходом понимают очень разные вещи; часто так называют простое упорядочение совокупностей каких-либо процессов или явлений [Андреев, Савелло, 2009], но многие существенные стороны рассматриваемых систем оказываются при этом упущенными. Применение системного подхода должно предусматривать построение целостной картины рассматриваемой системы, без каких-либо существенных изъятий и эпистемологических лагун. Но одна из таких лагун традиционно присутствует при анализе социальных систем; речь идет об изучении инверсивных отношений, которые при системном анализе часто остаются за пределами исследовательского внимания. Для того чтобы определиться с сутью и значением инверсивных отношений, требуется сделать небольшое отступление.

Некоторые замечания об общих свойствах системной организации

Известно, что в рамках системного подхода социальная система рассматривается как цельное образование, наделенное эмерджентностью (то есть проявлением общих системных свойств, не присущих составным элементам системы в отдельности). Другим важнейшим свойством таких систем является иерархическая структура. Многие авторы называют иерархическое устройство универсальным свойством любых систем, независимо от их содержательного наполнения — от биологических и технических до социальных включительно [Пригожин, 2005; Турчин, 2000]. Действительно, в любой дискретной системе, составленной из каких-либо элементов, можно найти проявления неравенства между этими элементами, что создает предпосылки для иерархических отношений. И даже если эти элементы формально равны решительно во всем, они имеют по крайней мере разное пространственное расположение по отношению к центру и границам данной системы; в результате все же возникают иерархические различия, подобные тем, которые в социальной системе имеют место между столичным жителем и провинциалом.

В социальных системах как прежние, так и современные авторы выделяли и выделяют различные формы иерархических отношений. Так, например, известные представления марксистов о наличии в структуре общества материально-производ-

ственного базиса и идеологической надстройки уже отображают иерархическую систему. Среди членов общества иерархические страты выделяются и по имущественному признаку, и по образованию, и по наличию производственного потенциала [Беляева, 2007], и по характеру потребления, и даже по разновидностям политических убеждений [Абрамов, 2010]. Г. Н. Андреев и Л. Л. Савелло выделяют в социально-экономических системах три иерархических уровня, каждый из которых, в свою очередь, наделен собственным иерархическим устройством: производственно-технологическую структуру хозяйства; институциональную структуру экономики; наконец, социальную структуру общества (где элементарными ячейками является семья) [Андреев, Савелло, 2010]. Можно представить еще великое множество подобного рода примеров.

Однако иерархическим порядком организации общесистемные свойства не исчерпываются. Некоторые свойства социальных систем вытекают из самого этого иерархического порядка. В частности, важнейшее свойство сложных иерархических систем и есть вышеупомянутая способность к развитию инверсивных отношений, особой формы внутрисистемного взаимодействия. При этой форме отношений векторы взаимодействия между вертикально соподчиненными элементами оказываются повернутыми в обратную сторону, скажем, не сверху вниз, а снизу вверх. Хотя во многих частных случаях практически все исследователи так или иначе сталкиваются с подобными отношениями, но их системная роль долгое время оставалась неисследованной. Впервые способность к развитию инверсий именно как системное свойство была описана американским математиком, профессором Томасом Саати [Саати, 1993], однако и этот автор не считал инверсивные отношения достаточно важными для построения адекватной картины иерархической системы. Саати полагал, что и без анализа инверсивных отношений когнитивная картина исследуемой системы сохраняет достаточную полноту. В действительности, в отсутствие учета инверсивных отношений, эта картина оказывается весьма далекой от реальности. В более ранних публикациях автора данной статьи уже анализировались инверсивные отношения в иерархиях [Севостьянов, 2015], здесь же представлен обзор таких отношений применительно к социальным системам. Рассмотрим, в чем же в действительности заключаются инверсивные отношения.

В чем суть инверсивных отношений

Сущность инверсивных отношений состоит в том, что низший элемент в рассматриваемой иерархии по определенным причинам приобретает ряд свойств, позволяющих ему получить в данной системе главенствующее значение; в то же время формально этот элемент не покидает своей невысокой иерархической позиции. Возникает противоречие между *местом* элемента в иерархической системе и его истинной *ролью* в ней. Данная форма противоречий в любых иерархических системах вообще и в социальных и социально-экономических системах в частности может быть названа ключевой. При этом наиболее сложные системы (а социальные системы, несомненно, относятся к таковым) как раз в наибольшей степени подвержены развитию данного типа отношений; с системой «общество» в этом отношении способна конкурировать разве что система «человек», по природе своей пронизанная

инверсиями снизу доверху. В то же время, как уже говорилось ранее, изучение инверсий в социальных системах отнюдь не получило еще того развития, необходимость которого обусловлена реальной значимостью инверсивных отношений в социальных иерархиях.

При исследованиях социальных систем внимание уделяется, главным образом, изначальным иерархическим отношениям, при которых никаких инверсий пока еще нет. Такие отношения будут здесь обозначаться как *отношения ордера*. Хронологически эти отношения при формировании системы проявляются раньше, чем возникают инверсии; система должна уже иметь какой-то стаж существования, прежде чем инверсивные отношения заметным образом разовьются в ней. Отчасти именно этим обусловлен относительно слабый интерес к инверсиям. Особо отмеченная выше закономерность касается систем искусственных, то есть искусственно сформированных; к таким системам относятся все ныне существующие и прежде существовавшие организации (которые тоже есть социальные системы). Формируя искусственную иерархическую систему, ее проектировщики отнюдь не стремятся закладывать в ней предпосылки для будущих коллизий, столкновений, противоречий. Эти противоречия возникают потом, в виде более или менее неприятного сюрприза. Отсюда возникает понятное стремление видеть в данной системе только те формы отношений, которые были в ней сознательно спроектированы и сформированы. Однако фактически, как уже сказано, противоречия в системе все равно возникают, приобретая форму инверсий. Знание причин возникновения инверсий и форм их проявления позволяет оценить разницу между реальной социальной системой и ее выхолощенной, схематичной книжной моделью.

Если в иерархической системе получают распространение инверсивные отношения, то это означает, что система под влиянием внутренних противоречий утрачивает свою устойчивость. Когда эти противоречия в своем развитии превышают некоторый предел, система чаще всего обречена на распад или на трансформацию. С другой стороны, когда инверсивные отношения развились в данной системе и просуществовали в ней какое-то время, система определенным образом к ним приспосабливается и уже практически не может существовать без них в своем прежнем виде. Приведем простую иллюстрацию. Разновидности литературных коллизий, сколько их есть (трагическая, героическая, комическая коллизии и т. д.), все без исключения строятся на отображении социальных и психологических инверсий и, по сути дела, не содержат ничего иного. Литературное произведение, в котором никаких коллизий нет, описанные автором противоречия отсутствуют и инверсии не отображаются, становится пустым и неинтересным для читателя. Если мы представим себе лишенный инверсивных отношений социум, подобный отображающей его такой же пустой литературе, нам едва ли захочется в нем жить. Да, история человеческого общества, безусловно, может быть представлена как череда противоречий, конфликтов, предательств, войн, крови и смертей. Но хотим ли мы видеть конец истории? А ведь отсутствие инверсивных отношений в социальной иерархии как раз и означало бы такой конец; правда, законы системной организации, неотвратимые, как и физические законы, не дадут наступить этому концу. Таким образом, инверсии представляются не просто «порчей» системы, но ее необходимым компонентом, формирующим портрет системы в данный момент времени и уже поэтому подлежащим пристальному изучению.

Причины и условия развития системных инверсий

В каких случаях в иерархической системе возникают и распространяются инверсивные отношения? Для того чтобы ответить на этот вопрос, следует оценить, на каких основаниях строится данная иерархия, какие принципы обуславливают ее структуру.

Каждая иерархия формируется в результате действия определенных организационных принципов. Такие принципы, собственно говоря, и определяют, как именно будут располагаться соподчиняющиеся структурные элементы в данной иерархии: какой из них будет размещен ниже, а какой, напротив, займет высшее положение. Эти организационные принципы могут быть двух типов: сущностные и атрибутивные.

Сущностный организационный принцип базируется на наличии у соподчиняющихся элементов некоторого необходимого, неотчуждаемого, имманентного свойства, которое либо постоянно присутствует как таковое, либо создает основу для неизменных отношений между иерархическими элементами системы. Например, имманентным свойством человека разумного является, собственно, наличие у него разума — то есть высшего типа мыслительной деятельности, включающего в себя способность к абстрагированию и обобщению. То, что отдельные субъекты данного свойства могут быть лишены, ничего в этой картине не меняет. И это имманентное свойство ставит человека выше остальных обитателей планеты в эволюционной иерархии — как существо, наделенное наибольшей сложностью психической жизни (для организационного принципа, который определяет главенство человека среди других живых существ, не придумано еще общепринятое название). Другой пример — наличие у человека такого неотчуждаемого свойства, как возраст. Да, возраст человека все время меняется, но если субъект А старше субъекта В, то в этом отношении, оставаясь в одной физической системе координат, они не могут поменяться местами. Субъект В никогда не станет старше, чем А, по крайней мере, пока они оба живы. В данном случае реализуется хронологический организационный принцип. Если в социальной системе старшие по возрасту субъекты по умолчанию получают преимущество над младшими, данный принцип приводит в социальной иерархии к расстановке действующих лиц, которая (при отсутствии других решающих условий, о которых речь пойдет ниже) пересмотру не подлежит.

Атрибутивный организационный принцип основан на наличии у тех же иерархических элементов изменчивых, непостоянных свойств (внешних атрибутов). Атрибутивные принципы, в свою очередь, подразделяются на принципы с цельным и градуальным атрибутом. Так, например, в современном обществе, по-видимому, не найти ни одного дееспособного гражданина, который не имел бы вовсе никакого отношения к деньгам. Деньги, так или иначе, есть у всех; вопрос лишь в количестве. Кто-то обладает значительными финансовыми средствами, другой субъект имеет лишь необходимый их минимум, а у третьего все его денежное достояние состоит из одних долгов. Соответственно, различается и измеряемое в денежном эквиваленте общее материальное достояние членов общества, но, как таковое, есть оно у всех. В этом случае действует имущественный организационный принцип, который, в свою очередь, является частным выражением более общего количественного организационного принципа. Это — типичный организационный принцип

с градуальным атрибутом. Он наряду с другими принципами может определять, высоко или низко в общественной иерархии располагается тот или иной субъект.

Другая категория атрибутивных организационных принципов действует тогда, когда речь идет о присутствии у иерархических элементов целостного, неделимого свойства. Вспомним ради такого случая высказывание известного мультипликационного персонажа: «Хвост или есть, или его нет совсем. Тут нельзя ошибиться». Например, все жители современных городов делятся на тех, кто умеет водить автомашину и имеют водительские права, и на тех, кто таких прав не имеет. Нельзя «немного иметь» водительские права или иметь их «чуть больше». Это как раз тот случай, когда положение элемента в иерархии определяет цельный атрибут.

Наличие сущностных организационных принципов придает социально-экономической системе черты стабильности. Если представить себе такую систему, в которой действуют одни только сущностные организационные принципы, то в ней не только никогда не разовьются никаких инверсий, но она вообще не совершит никаких самостоятельных изменений по причине отсутствия основных предпосылок для внутренней активности. Все изменения в подобной системе могут происходить исключительно под влиянием внешних сил, а внутренние перемены, скажем, связанные с ограниченным периодом жизни соподчиненных элементов, никак не сказывались бы на общем порядке системной организации. Однако социально-экономических систем, в которых действовали бы лишь одни только сущностные организационные принципы, в реальности, видимо, не существует вовсе.

Если социально-экономическая система построена исключительно на основании одного-единственного атрибутивного организационного принципа, то в этом случае в ней будет наблюдаться внутренняя активность, выражающаяся в перемещении соподчиняющихся элементов по ступеням иерархии: одни смогут улучшить свое положение за счет изменений ключевого свойства, определяющего здесь иерархический порядок, другие же будут, напротив, спускаться на низшие позиции. Однако и в этом случае сама форма иерархической организации не претерпит никаких изменений, если только они не будут вызваны внешним насильственным воздействием. Например, если речь идет и в подобных отношениях в социальной иерархии, то все перемены в ней будут сводиться к изменениям имен и фамилий на соподчиненных иерархических позициях. Впрочем, и таких иерархий в реальной жизни, по-видимому, не бывает.

Наконец, сочетание в одной системе нескольких разных организационных принципов (сущностных и атрибутивных либо только атрибутивных) способно порождать инверсивные отношения, когда эти принципы вступают в противоречия друг с другом. Эти отношения действуют, сочетаясь с описанным выше вариантов активности внутри системы, при котором просто происходит перемещение элементов с одного уровня на другой.

В реально существующих социальных иерархиях можно видеть именно такую картину: в них наличествует одновременно множество организационных принципов, как сущностных, так и атрибутивных; поэтому их сочетания создают для инверсивных отношений предрасполагающие причины. Производящие же причины кроются либо во внешних воздействиях на систему, либо же в мотивации и деятельности социальных акторов, всех тех членов социального сообщества, которые проявляют активность с целью как-либо улучшить свое иерархическое положение. Для такого продвижения им требуется вносить изменения в собственную палитру

социально-значимых свойств. А поскольку для этого у каждого индивидуума имеется собственная сумма социальных навыков, а также и установок, и предпочтений, и задатков, и способностей, то очевидно, что такие изменения происходят неравномерно, обнажая индивидуальные особенности людей и порождая инверсивные отношения. Здесь кроется производящая причина социальных инверсий. Но есть и другой момент, также способствующий развитию инверсивных отношений (но и содержащий в себе возможности для их предотвращения и управления ими).

Иерархии второго порядка

Когда в иерархической системе действует некоторое количество независимых организационных принципов, то их значение для системы никогда не бывает абсолютно равным. Какой-либо один организационный принцип может занимать главенствующее положение, другой — положение подчиненное. Тем самым организационные принципы образуют собственную иерархическую систему (будем называть ее иерархией второго порядка).

Так, например, представим себе ситуацию, когда в иерархической социальной системе присутствует два организационных принципа: хронологический и имущественный (в действительности их гораздо больше). Согласно хронологическому принципу, высшее общественное положение получает старший по возрасту субъект (действительно, у многих народов именно старикам принято оказывать величайшие формы уважения). Согласно второму принципу, такое положение должен иметь человек, обладающий самым большим материальным достатком. В том гипотетическом случае, когда самый старший субъект будет располагать и самым большим имуществом, а младшие в том же порядке показывают меньшую финансовую состоятельность, в данной иерархии будут действовать одни только отношения ордера. Но всем известно, что в реальной жизни так не бывает. Финансовое благополучие может быть очень слабо связано с возрастом субъекта, а при наличии института наследования не будет связано в нем вообще. В связи с этим возникает вопрос, какой же из этих принципов значительнее — именно он будет определять подлинное, а не мнимое положение субъекта в общественной иерархии. Вероятнее всего, имущественный принцип окажется главнее; и только при отношениях лиц, равных или хотя бы сравнимых по материальному достатку, на первый план выйдет принцип хронологический. Оставаясь в рамках все той же гипотетической ситуации, представим себе, что в рассматриваемом сообществе наступило приблизительное имущественное равенство. Никто не превосходит никого другого в такой мере, чтобы об этом стоило говорить. Мера общественного влияния в этом случае будет определяться по хронологическому старшинству, хотя имущественный организационный принцип, будь у него возможность проявиться, оказался бы, вероятно, важнее. Таким образом, сравнительная значимость организационных принципов определяется, во-первых, степенью различий, которые могут быть выявлены в социальном сообществе на основе этого принципа, и во-вторых, оценочной ролью организационных принципов, к которой еще предстоит вернуться. Важно то, что оба эти показателя могут быть подвержены изменениям.

Соотношение «силы» организационных принципов в иерархической системе непостоянно. Даже если мы будем считать, что сам перечень организационных принципов в данной системе остается неизменным, то влияние каждого отдельного принципа на функционирование системы в целом может существенно меняться. Принцип может иметь определяющее значение, может оказаться со временем на вторых ролях, а иногда его влияние сводится к нулю и даже становится обратным прежнему. Например, в дореволюционной России одним из основополагающих организационных принципов в обществе был сословный: общественная роль человека в большой мере определялась его происхождением. Лицо, имеющее дворянские корни, так или иначе пользовалось привилегированным положением (или считало себя вправе на такие привилегии претендовать). Сравним с этим ситуацию, возникшую после революции: сословный принцип оказался формально упраздненным, но он при этом вовсе не исчез, а только стал работать в обратном направлении: пролетарское происхождение отныне являло собой общественный капитал, которого был лишен представитель некогда знатного рода. «Неправильное» же, непролетарское социальное происхождение приносило своему владельцу в основном одни неприятности.

Материнская система и производные системы

Теперь следует рассмотреть еще один момент, непосредственно связанный с развитием инверсивных отношений в социальных и социально-экономических иерархиях. Социально-экономическая система неизбежно сосуществует с производными от нее и интимно связанными с ней иерархическими системами, в которых тоже возможны инверсии. Но только если структурными элементами социально-экономической системы, ее конечными «атомами» являются вполне осязаемые, физические единицы — живые люди, то в произвольных системах иерархические элементы всецело относятся к идеальной сфере. Речь идет о системах, которые охватывают собой хотя и близкие друг другу, но все же обособленные понятия: это системы ценностей, системы целей, системы мотивов, присущие сообществу лиц, образующих социальную или социально-экономическую иерархию. Значение этих произвольных систем велико и охватывает несколько аспектов.

Во-первых, как уже сказано, в подобных системах тоже возможны инверсии, но разрушительными они могут быть не только для самой этой, казалось бы, несколько абстрактной системы, но и для породившей ее социально-экономической системы в целом (последнюю будем называть, применительно к данному случаю, «материнской системой»). Рассмотрим несколько примеров. Скажем, если в системе управления главным мотивом руководителя является всемерное содействие развитию и процветанию руководимой им организации, то это означает, что инверсии в системе мотивов нет, здесь действуют отношения ордера, а материнская система действительно, скорее всего, будет процветать. Но у руководителя могут быть и иные мотивы (их всегда несколько), например, мотив власти. Если на первый план выходит именно этот мотив, то налицо инверсия (противоречие между количественным организационным принципом, показывающим, какой мотив в действительности наиболее востребован, и конституциональным принципом, который

выводит на первое место мотив, объективно наиболее значимый для материнской системы). В этом случае на первое место выдвигается, как нетрудно догадаться, отнюдь не самый выгодный для системы мотив. Руководитель будет отыгрывать собственные психологические комплексы и получать удовольствие, помыкая своими сотрудниками, в то время как возглавляемая им организация будет погружаться в пучину кризиса (хотя бы по причине неизбежной в такой ситуации текучести кадров). Инверсия, как уже говорилось, тем самым губит не только саму производную иерархию, в которой она, собственно, и развилась, но и материнскую систему, эту иерархию породившую. Если ведущим мотивом в деятельности работника, выполняющего сложные и ответственные обязанности, становятся деньги (и в основном только они), то это означает, что основной интерес он испытывает отнюдь не к работе. Тратить заработанное он будет в быту, за пределами рабочего места, а если заработки его достаточно велики, то деньги эти он будет уже не только тратить, но и вкладывать, что еще больше отвратит его интерес от основной деятельности. Если основным мотивом сотрудников в организации вынужденно становится дигнилофильный мотив (мотив поддержания ущемленного собственного достоинства, в результате неловких действий руководителя), то и в этом случае перспективы организации не особенно радужны, поскольку здесь тоже наличествует инверсия мотивов. Наконец, если главнейшим мотивом становится подражание кумиру (в широком смысле этого слова), то и тут мы можем увидеть инверсию. Скажем, современное отечественное телевидение зачастую упрекают в оглуляющем воздействии многих передач и каналов, но ведь это только копии зарубежных телеканалов и телепрограмм, выбранных в качестве идеала и объекта подражания. Стремление быть «как в Европе» привело прямо на наших глазах целую страну — Украину — к состоянию тяжелейшего социального, политического и экономического кризиса (роль обобщенного кумира здесь принадлежит Евросоюзу).

То же самое касается и системы ценностей, и системы целей, в отношении которых действуют те же организационные принципы: конституциональный и количественный (или мажоритарный принцип, выводящий на первый план те ценности или цели, которые в данном социуме разделяет физическое большинство). Здесь также возможно развитие инверсий. Если руководство социально-экономической системы (или большинство людей, участвующих в ее функционировании) ставят перед собой ложные цели или ориентируются на антисоциальные ценности, это способно погубить данную систему не менее верно, чем внутренние распри, развившиеся непосредственно между ее участниками (тем более что одно другому здесь не мешает, а даже способствует). Но этой опасностью собственных инверсий значение производных систем отнюдь не исчерпывается.

Так, важнейший ресурс изменений в социально-экономической системе состоит в непостоянстве взаимной значимости действующих в данной иерархии организационных принципов. Поскольку, как уже говорилось выше, организационные принципы неравны по своему значению, то они также образуют иерархию (иерархию второго порядка). Если в данной материнской системе действуют инверсивные отношения, то их роль в дальнейшей судьбе системы всецело зависит от того, насколько значим каждый из взаимно противоречащих друг другу организационных принципов. Если эти принципы носят основополагающий характер, инверсивные отношения в системе, вероятно, приведут к тому, что она рухнет под тяжестью накопившихся в ней противоречий. Если же организационный принцип малозначителен,

то и возникшие с ним противоречия никакой особенной роли играть не будут. Но что в каждый момент времени определяет значимость организационных принципов в социально-экономической системе? Каков источник оценочной характеристики организационных принципов? Очевидно, ключевую роль в определении соотношений организационных принципов играют все те же цели, ценности, мотивы, распространенные среди субъектов, составляющих материнскую систему и действующих в ней. Изменения в производных системах влекут за собой и новые оценки системных организационных принципов, что может как усилить, так и ослабить действие инверсий в материнской системе. Следует особо отметить, что такие изменения могут происходить не только по внутрисистемным причинам, но и в результате внешнего воздействия на систему. Это тем более вероятно, что никакая социальная система не существует, что называется, в безвоздушном пространстве, вне взаимодействия с другими системами, а также иными факторами внешней среды.

Саморазвитие системы

Одной из форм разрешения накопившихся инверсий является не системный распад, а напротив, поступательный шаг в развитии данной системы, ароморфоз, происходящий в ней. Известно, что системное развитие происходит как путем постепенного, поэтапного накопления изменений, так и посредством резкого скачка, обычно возникающего под внешним воздействием, сравнительно ничтожным по сравнению с произведенным эффектом [Алтунина, Чернышев, 2015]. Это явление вполне объяснимо: как мы знаем, внешний толчок являет собой лишь производящую причину изменений, в роли же предрасполагающих причин как раз и выступают нарастающие системные противоречия. Ароморфозы в развитии любых систем представляют собой результат разрешения внутренних инверсий; однако для того, чтобы это разрешение приобрело именно форму ароморфоза, а не системного распада, требуется сочетание особых условий. Такие условия реализуются в саморазвивающихся системах.

Идея саморазвития социально-экономических систем сейчас активно обсуждается в литературе; однако надо помнить, что понятие саморазвития означает не только самостоятельную постановку системой собственных целей и не просто ее способность к расширенному воспроизводству [Захарчук, Пасынков, 2010], но в первую очередь возможность самоусложнения системы. Чтобы понять, каким способом происходит это самоусложнение, следует обратиться к способам разрешения инверсий, ибо никакой скачок в поступательном развитии не обходится без ликвидации накопившихся инверсивных отношений.

Самоусложнение подразумевает прирост иерархии «вершиной». Существуют разные модели такого роста. Например, известный отечественный философ В. С. Степин в одной из своих работ представил (и даже графически проиллюстрировал) такое развитие путем простого наращивания новых этажей иерархии над старыми [Степин, 2009]. Такая обобщенная модель не может считаться удовлетворительной по одной простой причине. Она подразумевает, что новый элемент, которому отныне суждено возглавить иерархию, формируется именно там, где ему отныне предстоит находиться, то есть на новообразованной части иерархической вершины. Но формирование этого элемента, как правило, не происходит мгновенно, и он не берется неизвестно

откуда, точно *Deus ex machina*. Такой элемент есть дитя породившей его системы, и по необходимости он должен пережить некоторый эмбриональный этап своего развития, а на стадии этого этапа он просто не может находиться на вершине иерархии, хотя бы по причине своей структурной и функциональной незрелости.

Знание закономерностей развития инверсий может помочь определить подлинную картину ароморфоза. Новый элемент, который в последующем займет в иерархии верховную позицию, всегда изначально формируется в иерархически подчиненном состоянии. Он подчинен лидирующему на тот момент элементу системы (либо другому элементу, стоящему в иерархии над ним). Но затем, достигая зрелости, этот подчиненный элемент таким образом модифицирует собственные свойства, что по одному или нескольким критериям уже может претендовать на верховную позицию. Некоторые его свойства, впрочем, все еще удерживают его в низшем, по отношению к вершине, положении (поскольку продолжает действовать организационный принцип, согласно которому этот элемент все еще пребывает в категории подчиненных). Но вот сделан решительный шаг: либо свойства подчиненного элемента изменились и теперь уже решительно ничем не препятствуют его главенству, либо изменилась взаимная значимость организационных принципов, и принцип, ранее удерживающий этот элемент внизу, больше не может приниматься во внимание (последнее может произойти и под воздействием внешних по отношению к данной системе факторов). Элемент, о котором идет речь, совершает скачок и перемещается на вершину; отныне он здесь главный, а прежде возглавлявшему систему элементу придется теперь довольствоваться в лучшем случае вторым местом. Как было показано выше, вертикальное перемещение элементов внутри иерархии есть вполне законный вид внутрисистемной активности; именно так действуют, например, социальные лифты. Сочетание вертикальной мобильности элементов с разрешением инверсий позволяет системе не только не деградировать, но и развиваться и расти.

Управление инверсивными отношениями

Выше было указано, что во многих случаях развитие социальных инверсий крайне нежелательно для нынешнего и будущего благосостояния системы. С другой стороны, может иметь место также и использование инверсивных отношений как инструмента для дальнейшего системного развития. Все это свидетельствует о необходимости управления инверсивными отношениями в социальных системах. А для этого, в свою очередь, необходимо вычленив необходимые точки приложения для таких управленческих усилий.

Нельзя сказать, что фактические попытки управления инверсиями в иерархических системах (в частности, в системах социальных) не предпринимались прежде. Напротив, практически вся история социального управления состоит из длинного перечня таких попыток. Но вне системного осмысления инверсий подобные действия, как опять-таки показывает история, отнюдь не всегда были своевременными, уместными и эффективными. Более того, за них часто приходилось платить совершенно неприемлемую цену.

Так, известно, к каким колоссальным разрушениям и жертвам приводили революции и последующие гражданские войны (наглядным примером может быть

названа и Великая французская революция, и русская революция 1917 года). Возникновение в любой стране революционной ситуации свидетельствует прежде всего о неспособности ныне действующего правительства и правящего класса управлять своей страной. Со структурной точки зрения революционная ситуация представляет собой прежде всего развившиеся сверх допустимой меры инверсивные отношения в социально-экономической иерархии. Например, буржуазная революция, устраняющая основные аристократические привилегии, возникает потому, что сословный (сущностный) организационный принцип в обществе начинает противоречить имущественному (атрибутивному) принципу; в результате выродившийся, паразитический класс аристократов отстраняется от власти, освобождая дорогу промышленному и торговому капиталу, или же встраивается в структуру победившего класса на правах декоративной верхушки.

Из вышеизложенного видно, что существует два основных приема воздействия на соотношение организационных принципов в иерархии. Рассмотрим их по отдельности. Можно воздействовать на фактическую разницу между элементами в иерархии, согласно рассматриваемому свойству. Если эта разница искусственно ликвидируется, то в этом случае организационный принцип, распределяющий элементы в иерархии на основании этого свойства, хоть и перестает фактически действовать, но все же остается, так сказать, в латентном состоянии и проявится вновь, как только данные усилия по уравниванию элементов себя исчерпают. Примером этого подхода может служить отношение к материальному достатку в эпоху советского социализма. Несмотря на то что о принципе материальной заинтересованности в труде периодически вспоминали, в целом отношение к собственности и материальному достатку предполагало уравнивательные позиции; в этом отношении никто не должен был чрезмерно выделяться, исключения делались лишь для номенклатурных верхов и приближенных к этим верхам научных и культурных деятелей, и то не всегда и не везде. В частности, некоторое время существовал так называемый партмаксимум, который, среди прочего, был централизованной мерой против имущественного расслоения [Головин, 2008]; практиковалось уголовное преследование за тунеядство тех лиц, которые усердно трудились, но не на государство или кооператив, а на себя, для личного обогащения [Сергеев, Сергеева, 2012]. Все это время имущественный принцип в социальной иерархии по-прежнему существовал и совершенно не исчезал никогда, но имел лишь относительно небольшую почву для своего реального действия. Однако уже в период перестройки, когда была фактически легализована частнопредпринимательская деятельность, имущественный организационный принцип, что называется, взял свое.

Другой способ воздействия на организационные принципы в иерархии подразумевает влияние на них через посредство ценностных ориентаций в обществе; иными словами, речь идет об обратном воздействии производных иерархий на материнскую систему. Скажем, если высшей ценностью в обществе является духовная самореализация посредством религиозной веры, то это неизбежно влияет на восприятие социальной иерархии и в значительной мере определяет ее формирование, потому что наиболее значительную роль в обществе приобретают духовные лидеры, даже если они и не занимают никаких светских постов и должностей. Если на первом месте в аксиологической иерархии располагаются ценности познания мира, то высшую иерархическую позицию в обществе приобретают видные деятели науки. В результате изменения ценностных ориентаций меняется и взаимная значимость

организационных принципов в материнской системе. Это воздействие носит более глубокий и фундаментальный характер, чем, скажем, упомянутое выше принудительное подавление организационного принципа путем уравнивания по значимому для него свойству. И следует напомнить, что именно это направление изменений может происходить в данной социальной системе не только и не столько по внутренним причинам, но и в результате внешних воздействий на нее.

Заключение

Разумеется, на страницах небольшой журнальной статьи невозможно раскрыть все стороны, все причины и все следствия инверсивных отношений в социальных иерархических системах. Это невозможно сделать даже и в солидной по объему книге. Инверсивные отношения многообразны, поскольку весьма многообразны порождающие их сочетания организационных принципов в иерархиях. Более того, охватывая взглядом ту или иную иерархическую систему, мы обыкновенно не можем сразу воспринять и осмыслить все действующие в ней организационные принципы. К уже известному их перечню всегда возможно добавить еще один или несколько, и даже тогда мы не можем питать уверенность в том, что ничего не упустили. Именно то обстоятельство, что многие организационные принципы даже при создании искусственных систем не принимаются во внимание, порождает массу проблем и неприятных сюрпризов в социальном управлении.

Исследование инверсивных отношений есть дальнейшее развитие диалектической философии; но это уже не «философия для философов». Перед нами как раз тот случай, когда разработка когнитивной модели системных взаимодействий может принести и приносит фактическую, реальную пользу. А поскольку инверсивные отношения в сложных иерархических системах встречаются практически повсеместно и будут встречаться впредь, познание их так же безбрежно и бесконечно, как и познание общества и социальных взаимодействий в нем.

Литература

- Абрамов А. В. Политическая стратификация общества: анализ подходов // Власть. 2010. № 9. С. 75–77.
- Алтунина Т. М., Чернышев Л. А. Принципы самоорганизации в методологии исследования социально-экономических систем // Фундаментальные исследования. 2015. № 2. С. 4452–4457.
- Андреев Г. Н., Савелло Л. Л. О системном подходе к исследованию социально-экономических процессов // Современные проблемы науки и образования. 2010. № 5. С. 82–84.
- Андреев Г. Н., Савелло Л. Л. О формализации категории «система» // Современные проблемы науки и образования. 2009. № 3. С. 29–32.
- Беляева Л. А. И вновь о среднем классе в России // Социологические исследования. 2007. № 5. С. 3–13.
- Быстрянец С. Б. Фундаментальная роль методологии в социологии и других общественных науках // Известия Российского гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. 2009. № 117. С. 296–304.
- Головин С. А. Имущественная дифференциация доходов населения СССР в 20–30-е годы XX века // Известия Российского гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. 2008. № 66. С. 177–186.

- Захарчук Е. А., Пасынков А. Ф. Признаки и свойства саморазвивающихся социально-экономических систем // Экономика региона. 2010. № 4. С. 32–39.
- Новиков А. М., Новиков Д. А. Методология. М.: Синтег, 2007.
- Пригожин А. И. Методы развития организаций. М.: МЦФЭР, 2005.
- Саати Т. Принятие решений. Метод анализа иерархий. М.: Радио и связь, 1993.
- Севостьянов Д. А. Противоречие и инверсия. Новосибирск: Изд-во НГАУ «Золотой колос», 2015.
- Сергеев С. С., Сергеева З. Х. Дух номенклатурного социализма и мутации советской трудовой этики // Вестник Казанского технологического ун-та. 2012. № 24. Т. 15. С. 156–161.
- Степин В. С. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различения // Постнеклассика: философия, наука, культура. СПб.: Мирь, 2009. С. 249–295.
- Турчин В. Ф. Феномен науки: Кибернетический подход к эволюции. М.: ЭТС, 2000.

Methodology of Social Research: the Role of the Analysis of Inversions

DMITRIY A. SEVOST'YANOV

Novosibirsk State agrarian University, the Department
of personnel policy and personnel management,
Novosibirsk, Russia;
e-mail: dimasev@ngs.ru

Abstract: The article considers the methodological technique of social research, namely the study of inversions in the social hierarchy. It is shown that hierarchy is the most important form of systemic organization. For this reason, social research should take into account the total system properties inherent to hierarchies. The ability to the formation of inversions inherent in complex hierarchies. Because the social hierarchy is very complex, inversions are widely represented. Despite the wide distribution of inversions in the social hierarchy, they are still relatively little studied as a systemic phenomenon. Modern General system theory practically does not consider the inverse relationship. This omission should be rectified. In a hierarchical system, inversion occurs when the lower element becomes the dominant in the system without moving to a higher position. This happens is due to change of any important properties of this hierarchical element. Thus, there is a contradiction between the formal place of the element in the system and its actual role. The development of inversions in the hierarchical system leads it to destruction or the need for radical transformation. Inversion possible not only in the social hierarchy but in the derived hierarchies, such as the hierarchy of values, goals, motives. The distribution of inversions of this derived system can lead to the collapse of the very social hierarchy, where such changes occur. It is known that social hierarchy can be destroyed due to changes in the value structure or motivational structure of the society. There are a huge number of such historical examples.

Keywords: social science, methodology, hierarchy, inversion, order, goals, values, motives.

References

- Abramov A. V. (2010) Politicheskaja stratifikacija obshhestva: analiz podhodov [Political stratification of the society: analysis of approaches] // *Vlast'* [Power]. № 9. S. 75–77 (in Russian).
- Altunina T. M., Chernyshev L. A. (2015) Principy samoorganizacii v metodologii issledovaniya social'no-jekonomicheskikh sistem [Principles of self-organization in the methodology of socio-economic systems] // *Fundamental'nye issledovaniya* [Fundamental research]. № 2. S. 4452–4457 (in Russian).

- Andreev G. N., Savello L. L. (2010) O sistemnom podhode k issledovaniju social'no-jekonomicheskikh processov [A systematic approach to the study of socio-economic processes] // *Sovremennye problemy nauki i obrazovanija* [Modern problems of science and education]. № 5. S. 82–84 (in Russian).
- Andreev G. N., Savello L. L. (2009) O formalizacii kategorii «sistema» [About category formalization “system”] // *Sovremennye problemy nauki i obrazovanija* [Modern problems of science and education]. № 3. S. 29–32 (in Russian).
- Beljaeva L. A. (2007) I vnov' o srednem klasse v Rossii [And again about the middle class in Russia] // *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological research]. № 5. S. 3–13 (in Russian).
- Bystrjancev S. B. (2009) Fundamental'naja rol' metodologii v sociologii i drugih obshhestvennykh naukah [The fundamental role of methodology in sociology and other social Sciences] // *Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A. I. Gercena* [Izvestia of Russian State pedagogical University named A. I. Herzen]. № 117. S. 296–304 (in Russian).
- Golovin S. A. (2008) Imushhestvennaja differenciacija dohodov naselenija SSSR v 20–30-e gody XX veka [Property differentiation of the population income of the USSR in the 20–30-ies of XX century] // *Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A. I. Gercena* [Izvestia of Russian State pedagogical University named A. I. Herzen]. № 66. P. 177–186 (in Russian).
- Zaharchuk E. A., Pasyнков A. F. (2010) Priznaki i svojstva samorazvivajushihhsja social'no-jekonomicheskikh sistem [The characteristics and properties of self-developing socio-economic systems] // *Jekonomika regiona* [Regional economy]. № 4. P. 32–39 (in Russian).
- Novikov A. M., Novikov D. A. (2007) Metodologija [Methodology]. М.: SINTEG (in Russian).
- Prigozhin A. I. (2005) Metody razvitija organizacij [The methods of development organizations]. М.: MCFJeR (in Russian).
- Saaty T. (1993) Prinjatije reshenij. Metod analiza ierarhij [Decision-making. Method of analysis of hierarchies]. М.: Радио и svjaz', 1993 (in Russian).
- Sevost'janov D. A. (2015) Protivorechie i inversija [Contradiction and inversion]. Novosibirsk: Izd-vo NGAU «Zolotoj kolos» (in Russian).
- Sergeev S. S., Sergeeva Z. H. (2012) Duh nomenklaturnogo socializma i mutacii sovetskoj trudovoj jetiki [The spirit of the nomenclature of socialism, and the mutation of the Soviet work ethic] // *Vestnik Kazanskogo tehnologicheskogo universiteta* [Vestnik of Kazan's technological University]. № 24. Vol. 15. P. 156–161 (in Russian).
- Stepin V. S. (2009) Klassika, neklassika, postneklassika: kriterii razlichenija [Classic, non-classic, post-non-classic: criteria of discernment] // *Postneklassika: filosofija, nauka, kul'tura* [Post-non-classic: philosophy, science, culture]. SPb.: Mir. P. 249–295 (in Russian).
- Turchin V. F. (2000) Fenomen nauki: Kiberneticheskij podhod k jevoljucii [The phenomenon of science: Cybernetic approach to evolution]. М.: JeTS. (in Russian).